

УДК 94(47)

Б.Л. Шапиро

**ВНЕШНИЙ ОБЛИК РАБОЧИХ В РОССИИ
ПЕРИОДА ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
(вторая половина XIX – начало XX в.)**

Bella L. Shapiro

**GENERAL APPEARANCE OF WORKERS IN RUSSIA
DURING A PERIOD OF INDUSTRIAL MODERNIZATION
(second half of XIX – early XX centuries)**

Аннотация

В статье анализируется формирование и развитие внешнего облика рабочего класса в России, а также взаимосвязь этого процесса с индустриальной модернизацией и урбанизацией. Костюм рабочего рассматривается как важная деталь, в значительной мере характеризующая его внешний облик.

Ключевые слова

ПОРЕФОРМЕННАЯ РОССИЯ, РАБОЧИЙ КЛАСС, ПАУПЕРИЗАЦИЯ, ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ, УРБАНИЗАЦИЯ, ИСТОРИЯ КОСТЮМА.

Abstract

The article analyzes the formation and development of the appearances of working class in Russia and the correlation of this process and industrial modernization and urbanization. The costume of working population is regarded as the major detail, to a large extent characterizes its general appearances.

Keywords

POST-REFORM RUSSIA, WORKING CLASS, PAUPERIZATION, INDUSTRIAL MODERNIZATION, URBANIZATION, HISTORY OF COSTUME.

История формирования внешнего облика рабочих является отражением изменений, происходивших в России во второй половине XIX – начале XX века. Фактором, определившим историческое своеобразие этого периода, является высокий уровень крестьянской миграции. С началом реформ в города хлынули миллионы сельских жителей. Так, например, среди жителей Санкт-Петербурга в 1900 году число родившихся в этом городе составляло всего 31 %. В среднем за год в него прибывало около 50 тыс. новых жителей. Значительную часть мигрантов составляли крестьяне – 72 % от общей численности некоренного населения [1, с. 317]. В каждой тысяче новоприбывших женщины составляли 368 человек, а в 1914 году уже 480 человек; 75 % крестьянок и 47 % мещанок мигрировали из других мест [2, с. 17].

Подобная ситуация была характерна и для остальных крупных городов Российской импе-

рии. Новоприбывшие горожане и горожанки искали в городе возможность трудоустройства, которое чаще всего осуществлялось в фабрично-заводской промышленности.

Обращение к исследованию взаимосвязи процессов индустриальной модернизации, урбанизации и формирования внешнего облика рабочих продиктовано необходимостью детального изучения истории формирования и развития городского населения России, его социальных, конфессиональных, этнических, гендерных и демографических особенностей.

Знание и анализ исторического прошлого позволяют реализовать его прогностические возможности. Обращение к истории формирования и развития отдельных социальных групп российских городов помогает не только воссоздавать историческое прошлое, но и осознать настоящее, обосновать теоретическую модель развития будущего.

Внешний облик отдельной социальной группы рабочих, отражая их менталитет, или миропонимание, включает в себя телесные навыки поведения и бытовые привычки. В значительной мере он обуславливается таким сложным социально-историческим феноменом, как российский городской костюм. Эта взаимосвязь заслуживает глубокого и детального изучения.

Костюм рабочих определялся их квалификацией, профессионально-производственными условиями и материальным положением. Положение рабочих в России периода индустриальной модернизации определялось тремя факторами: «политическим бесправием, все-российским разорением и общими условиями капиталистического хозяйства» [3, с. 185].

Рабочий день трудящихся в конце XIX века продолжался 12 ч и более, доходя в некоторых случаях до 21 ч. Это было характерно, например, для фабрично-заводской промышленности Московской губернии: «На первом месте в этом отношении стоит сверхурочная работа Коломенского машиностроительного завода, где один из наиболее коротких — на бумаге — рабочих дней в 11,5 ч на самом деле сводится обычно к 14,5–16,5 ч, а в экстренных случаях даже к 19,5 и 21,5 ч суточной работы» [4, с. 90]. Подобное происходило и в сфере самозанятости. Так, например, кустарные рабочие немецких колоний Самарской губернии, выполнявшие работу по изготовлению соломенных шляп, летом работали с трех часов утра до десяти вечера, а при срочных заказах и до полуночи [5, с. 352]. За свою работу мастера получали не более 21 к. в день, так как даже при таком графике работы они успевали изготовить за день не более трех шляп стоимостью по 7 к. Рабочие, выполнявшие подготовительную работу для этих мастеров, получали за свой труд еще меньше; обыкновенной считалась сумма 15 к. в день.

Недостаточность заработка вынуждала рабочих искать приработок или еще более увеличивать продолжительность трудового дня. Так, в тех семьях, где имелось три женщины и более трудоспособного возраста, была выработана схема посменной работы, дающая возможность 24-часового рабочего дня. Например, мастерицы Вологодской губернии «кружево начинают на двух подушках и различного рисунка так, чтобы работа не была однообразной; за одной

из подушек всегда кто-нибудь из них сидит, одна отдыхает, одна исполняет хозяйственные дела — если их трое; а если их четверо, работа идет на две подушки, хозяйством они занимаются поочередно» [Там же. С. 124].

Заработная плата рабочего населения в большинстве случаев обеспечивала только часть необходимого прожиточного минимума, который к 1906 году составлял 21 р. для мужчин и 17 р. для женщин [6, с. 178]. Этой суммы достигала средняя заработная плата только у мужчин, трудящихся в машиностроительной промышленности; остальные отрасли доставляли гораздо меньшие средства. Так, например, средняя заработная плата рабочих, занятых в химической промышленности Серпуховского, Коломенского и Бронницкого уездов Московской губернии, к концу XIX века достигала только 12 р. 69 к. Рабочие-мужчины ситценабивных фабрик получали в среднем 13 р. 38 к., женщины — только 6 р. 7 к. Работники-мужчины ткацких и сновальных отделов ручных бумаготкацких фабрик и контор для раздачи основ в это же время имели среднюю заработную плату 9 р. 52 к., а женщины, трудящиеся там же, получали 5 р. 54 к. Мастерские фабрик Московской губернии различных отраслей зарабатывали в среднем 17 р. 43 к. [4, с. 134–138].

Хроническая нехватка как денежных средств, так и свободного времени определила основные тенденции в формировании внешнего облика и костюма рабочих. Очевидно, что они только в исключительных случаях могли прибегать к традиционному для России домашнему изготовлению одежды либо к покупке ее в магазинах готового платья, так называемых конфекционах.

Следовательно, в подобных условиях, основным источником формирования костюма рабочих были толкучие рынки. Отметим, что «толкучки» были местом распространения как новой, так и подержанной, даже чиненой, одежды и обуви.

Специфическим местом пополнения гардероба среди рабочих были фабричные и потребительские, или потребительские, лавки, в которых предметы одежды первой необходимости могли выдаваться в кредит.

В сфере самозанятости была широко распространена натурализация оплаты труда. Заказчики часто расплачивались с рабочими «красным

товаром» — мануфактурой и иными вещами, часто сапогами, которые в рабочей среде имели функцию одного из самых статусных предметов одежды. Женщинам в счет заработной платы предлагались платки и шали, кофты.

Важно, что в обоих случаях рабочим сбывались залежалые товары под видом самых модных, к тому же по завышенной на 10–12 % цене. Особенный путь приобретения предметов гардероба объяснял заметное отставание костюма рабочих от общепринятой моды.

Характерной приметой исследуемого периода российской истории является сочетание индустриальной модернизации и отсталого повседневного быта рабочих. Собственное либо арендованное жилье достаточной площади и приемлемого качества было доступно только высококвалифицированным кадровым рабочим. Они имели достаточно средств для приобретения обширного качественного гардероба и условия для ухода за ним. Примером может служить некая Мария Сергеевна Токарева, жительница Сергиевского Посада (ныне — Сергиев Посад) начала XX века, имевшая в своем распоряжении следующие предметы одежды: «...одна шаль большая теплая, одна косынка плетеная черная, два полушалка, один шарф шелковый, четыре платка шерстяные, шесть тоже ситцевых, дюжина платков носовых, дюжина сорочек... четыре [нижних] юбки разные... шесть пар чулок... одно платье шелковое, четыре платья шерстяные, две юбки шерстяные верхние, три платья тканевых, дюжина платьев ситцевых. Одежда зимняя: одно пальто плюшевое на фланели с куньим воротником, одно пальто суконное с котиковым воротником, две жакетки суконные с котиковым воротником. Одежда осенняя: одна жакетка плюшевая, одна жакетка суконная, одна жакетка трековая. Летняя одежда: одна накидка суконная на подкладке, одна жакетка трековая на подкладке, одна жакетка походная, один зонтик шелковый, две пары башмаков, две пары башмаков драповых, одна пара галош резиновых» [7, с. 102–103].

Мастеровые и рабочие низкой квалификации были вынуждены довольствоваться арендой комнаты или мелкой квартиры. В этой группе рабочих встречались и собственники жилья, но качество его было малоудовлетворительным. Чаще всего жилье имело оценочную стоимость от 50 (низший порог налогообложения)

до 100 р. Встречались и собственники строений по 30 р., имелись и владевшие постройками из случайных материалов, которые оценивались в 4–5 р. Рабочие, жившие в подобных строениях, как правило, обладали скромным по размеру гардеробом из нескольких предметов одежды: в него входили два-три платья, столько же рубашек и пар чулок. Эти люди часто не имели сменной домашней одежды и обуви.

Огромным спросом в пауперизированной среде пользовались коечно-каморочные квартиры, число которых в соответствии с требованиями рынка возрастало. Так, по материалам переписи данных квартир, в Москве в 1899 году были зарегистрированы 15 063 коечно-каморочные квартиры с населением в 174 622 человека; к 1912 году число живущих в 24 597 квартирах увеличилось до 326 600 человек; чуть менее скученно жили в Петербурге [8, с. 104]. Согласно статистике начала XX века, на каждого жителя коечно-каморочной квартиры приходилось менее 10 квадратных метров. Таким образом, по скученности они приравнивались к ночлежкам. Сходными были условия и в подвальных и полуподвальных квартирах, антресолях и мансардах. Число жильцов в комнатах доходило до 25 человек.

Рабочие, жившие в подобных условиях, имели для своих жилищных нужд только половину койки, угол, а то и вовсе жили «без места», временно размещаясь на печке или на полу в проходе. Они не могли иметь какой-либо лишней одежды, кроме самой необходимой. В ней и спали.

Важно, что причиной перенаселенности городов, особенно Санкт-Петербурга и Москвы, был стремительный прирост городского населения, не столько естественный, сколько механический. Подобный процесс происходил и в других крупных городах и их окрестностях. Так, например, в 1901 году естественная прибыль населения Сергиевского Посада, типичного среднеразвитого торгово-ремесленного города пореформенной Российской империи, который уже в то время входил в дачную зону Москвы, составила 106 человек, механическая же 442 человека. За последующие 10 лет численность населения города увеличилась на 45 % [9].

Новыми городскими жителями, остро нуждавшимися в жилье, были крестьяне из обнищавших деревень, пришедшие в город на заработки. Именно они, отходники в столич-

ные города, транслировали в регионы модный городской облик общеевропейского типа, привозя вместе с заработками (а иногда и вместо них) отрезки тканей, образцы модных вещей и журналы с выкройками. Современники отмечали, что «парни с торфа приходят в плисовых поддевках и шароварах, в вытяжных сапогах, красных рубахах да с пустыми карманами», а также «весною, когда многочисленные партии рабочих подходили к Петербургу, редкий из них не запасался в Торжке сапогами; осенью на возвратном пути Торжок снабжал их полушубками» [5, с. 46, 193].

Прошлогодние наряды доживали свой век в новом качестве; даже сильно поношенную одежду не выбрасывали, а употребляли на переделку, совсем изношенную использовали на заплатки. Так, старый уличный наряд становился домашним платьем либо нижней юбкой. Приобретенные с рук вещи распарывались, затем перекрашивались в красильнях или дома, после чего перешивались или перелицовывались. Грязный подол и мелкие дефекты при этом закрывались новой декоративной отделкой; ею же маскировались лишние швы, которые появлялись при необходимости удлинить рукав или подол.

Желание соответствовать моде при небольшом бюджете выходного костюма вызвало бытование значительного количества подделок: имитировались и фальсифицировались различные сорта пушнины, ювелирных изделий, дорогостоящей галантереи. Так, например, была широко распространена практика изготовления поддельного каракуля и так называемого брейтшванца, т. е. каракульчи, в красильных мастерских, где прессовали распоротые, перекупленные из вторых рук вещи, придавая плюшевой ткани характерный рисунок.

Умельцы имитировали не только мех, но и перья экзотических птиц для праздничных женских шляпок, с помощью анилиновых красителей получая из пера петухов, сорок и чаек фальшивые «марабу» и «эспри» любых цветов и оттенков.

Красное дерево в наверхиях ручек зонтиков заменялось на дешевые сорта, также подкрашенные анилином, драгоценный жемчуг в ювелирных украшениях имитировался с помощью воска и краски, бриллианты подменялись стразами, а самоцветы — цветным стеклом;

третьесортный перламутр подкрашивался в модные яркие цвета. Только что появившиеся пластмассы бакелит и галалит имитировали слоновую кость и черепаховый панцирь. Кость, рог, дерево после процедуры серебрения и золочения «на глаз» были неотличимы от драгметаллов. Таким образом обыватели получали возможность включить в свой выходной костюм престижные предметы одежды, но приобретенные по невысокой цене.

В результате комбинирования купленных в местах отхода предметов остромодной одежды с традиционно-этническими в сочетании с фальсифицированными предметами костюма и вещами, доставшимися из вторых и третьих рук, сформировался достаточно эклектичный специфический внешний облик рабочих.

В силу своей дешевизны и, следовательно, доступности в среде малообеспеченных были популярны не только фальсифицированные предметы гардероба, но и изготовленные из вторичного сырья. Так, самыми популярными материалами для изготовления недорогой теплой одежды были ткани буксин, шодди и мунго, представляющие собой искусственную шерсть, получаемую из слабо свалянного чистощерстяного тряпья и прядильно-ткацких отбросов.

Ценовая доступность пальтовых материй достигалась «кнопованием» — процессом набивки сукна, трико и драпа невысокого качества суконной пылью, получавшейся при стрижке сукна (натуральным кнопом) или же при растирании суконной и другой шерстяной ветоши (искусственным кнопом). Из кнопки изготавливали также искусственный барашковый мех, который употреблялся для выделки шапок, опушки верхнего платья, обшивки резиновых калош.

Особым признаком материальной обеспеченности в рабочей среде было наличие в гардеробе сапог либо, что предпочтительнее, сапог с калошами; поэтому жизнь их продлевалась многочисленными приемами починки. Существовали мастера — башмачники и сапожники, — специализировавшиеся только на починке обуви и владевшие многочисленными технологиями ее ремонта. Например, как один из популярных способов обновления предлагалась замена изношенной части сапога — головки, сохраняя еще годные старые голенища. На калоши накладывались заплатки из старой

калоши, порезы заклеивались клеем из резины и сероуглерода.

Несмотря на вышесказанное, обеспеченность элементарной одеждой и обувью в рабочей среде оставалась неудовлетворительной. Обыкновенной была ситуация, когда на несколько человек в семье имелась только одна пара обуви или единственная зимняя вещь.

Отметим, что рабочие, как выходцы из крестьян, сохраняли во внешнем облике некоторые черты своего происхождения. Так, большинство из них, исключая высококвалифицированных рабочих, заправляли брюки в сапоги, под пиджак надевали косоворотку, носили картузы, отращивали бороды, а волосы стригли «в скобку». Все вышеперечисленное роднило их с крестьянами. Но по мере увеличения продолжительности городской жизни облик рабочего все более урбанизировался, не допуская проникновения элементов сельской жизни. Например, рабочие не носили шапки-ушанки, которые считались крестьянским головным убором; ушанки заменялись на более приличествующие городским жителям кепки, фуражки и фетровые шляпы, часто после первой же зарплаты.

Как правило, рабочие стремились использовать в своем быту ткани фабричного изготовления: ситцы, габардин, коленкор, нанку, люстрин, плюш и плис. Кроме фабричных тканей, в повседневном быту городских рабочих использовалось и незначительное количество тканей домашнего изготовления. Домотканый текстиль в этой среде использовался преимущественно ограниченное время, а именно в незначительный промежуток после приезда на заработки в город. Впоследствии одежда из домотканины заменялась на модную, изготовленную из более статусных фабричных материй. Интересно, что дольше прочих видов одежды из домотканой льняной, прочной и приятной, материи изготавливалось именно нательное белье, которое было скрыто от чужих глаз.

Отдельно отметим внешний облик высококвалифицированных кадровых рабочих и

рабочей интеллигенции, которые, благодаря своему образовательному уровню и относительному достатку, стремились копировать моду аристократии, преобразуя ее в соответствии со своими культурными идеалами. Подражание становилось тем более возможным технически, чем шире в этой среде распространялась грамотность, дававшая возможность использовать руководства «Как превратиться в парижанку», «Как выбирать, примерять и носить платье» и т. п. Однако в силу малочисленности данной группы ее культурные стереотипы не оказывали заметного влияния на облик рабочих.

В национальных регионах Российской империи происходили те же процессы, что и в целом по стране. Городской внешний облик был одним из средств ассимиляции и обрусения неоднородного по конфессиональному, национальному и этническому составу населения империи.

История формирования и развития костюма городских рабочих служит прекрасной иллюстрацией формирования мировоззрения рабочего класса, которое сложилось к середине 1890-х годов; до этого рабочий воспринимал себя как крестьянина, отошедшего на заработки [10, с. 34]. Результаты исследования, безусловно, дают нам основание утверждать, что костюм, а следовательно внешний облик, является одним из маркеров, определяющих менталитет рабочего пореформенной России. Усвоение мигрантами из деревни манеры ношения городского костюма было значимым моментом в их адаптации к городской жизни и социальной трансформации.

Рабочий класс, количественно выделяясь в городской среде пореформенной России, оказывал определяющее воздействие на внешний облик городского населения. Главным формообразующим фактором во внешнем облике рабочих был их костюм, на формирование и развитие которого определяющее воздействие оказали процессы, последовавшие за буржуазно-демократическими реформами 1860–1870-х годов, а именно урбанизация и индустриальная модернизация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского

общества и правового государства [Текст]. В 2 т. Т. 1 / Б.Н. Миронов. – 3-е изд., испр. – СПб.: Дм. Буландин, 2003.

2. **Энгел, Б.А.** Из бабы в даму? Преобразование Евдокии Куликовой [Текст] / Б.А. Энгел // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков (Материалы междунар. коллоквиума, Санкт-Петербург, 14–17 июня 2004 года). – СПб.: Европейский дом, 2009.
3. **Кольцов, Д.** Рабочие в 1890–1904 годах [Текст] / Д. Кольцов // Обществ. движение в России в начале XX века. – В 4 т. Т. 1. Предвестники и основные причины движения. – СПб., 1909.
4. **Дементьев, Е.М.** Фабрика, что она дает населению и что она у него берет [Текст] / Е.М. Дементьев. – 2-е изд. – М.: Изд-во Т-ва И.Д. Сытина, 1897.
5. **Давыдова, С.А.** Очерк кружевной промышленности в России [Текст] / С.А. Давыдова // Кустарная промышленность России. Женские промыслы в очерках С.А. Давыдовой, Е.Н. Половцовой, К.Г. Беренс и Е.О. Свищерской. – СПб., 1913.
6. **Валетов, Т.Я.** Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX – начала XX века [Текст] / Т.Я. Валетов // Социальная история. – М.: РОССПЭН, 2008.
7. **Роспись** приданого [Текст] // Сергиев Посад: Кукуевка: еще о Красюковке. Т.Н. Шпанькова. – Сергиев Посад: Все для вас, 2010.
8. **Крузе, Э.Э.** Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 годах [Текст] / Э.Э. Крузе; под ред. Т.М. Китаниной. – Л.: Наука, 1981.
9. **Центральный** исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 199. Оп. 2. Д. 574. Об. 38, 41, 43, 45, 128.
10. **Ульянова, С.Б.** История трудовых отношений в России [Текст]. Ч. 1. Трудовые отношения в промышленности / С.Б. Ульянова. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2009.

REFERENCES

1. **Mironov B.N.** The Social History of Imperial Russia (XVIII – early XX cent.). The genesis of the individual, the democratic family, the civil society and the rule-of-law state. Vol. 1. St. Petersburg, Dm. Bulanin, 2003.
2. **Engel B.A.** From Peasant Woman into Lady? The Transformation of Evdokia Kulikova. *The Culture of Russian Empire Towns at the turn of the XIX–XX centuries* (Proceedings of the International Colloquium, St. Petersburg, 14–17 June 2004 year). St. Petersburg, Evropejskij Dom, 2009.
3. **Kol'cov D.** Workers in the years 1890–1904. *Social Movement in Russia in the Beginning of XX century*. Vol. 1. Harbingers and the main causes of movement. St. Petersburg, 1909.
4. **Dement'ev E.M.** The Factory, That it Gives to the Population and That it Takes Him. Moscow, Publ. T-va I.D. Sytina, 1897.
5. **Davydova S.A.** Essay Lace Industry in Russia. *Cottage industry of Russia. Women Trades in essays by S.A. Davydova, E.N. Polovcova, K.G. Berens and E.O. Sviderskaya*. St. Petersburg, 1913.
6. **Valetov T.Ja.** Than working people lived in the Russian Empire cities in the late XIX – early XX century. *The Social History*. Moscow, ROSSPAN, 2008.
7. The List of Dowry. *Sergiev Posad: Kukuevka: More about Krasjukovka*. T.N. Shpan'kova. Sergiev Posad, Vsjo dlja Vas, 2010.
8. **Kruze E.E.** Working and living conditions of the working class in Russia in 1900–1914 years. Ed. by T.M. Kitanina. Leningrad, Nauka, 1981.
9. Central Historical Archive of Moscow. F. 199. Op. 2. D. 574. Ob. 38, 41, 43, 45, 128. (rus.)
10. **Ul'janova S.B.** The History of Labor Relations in Russia. P. 1. The Industrial Relations. St. Petersburg, Publ. Politechnical Univ., 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

ШАПИРО Бэлла Львовна – преподаватель кафедры общегуманитарных и естественно-научных дисциплин Сергиев-Посадского филиала Высшей школы народных искусств (Института).

141300, Сергиев Посад, Северный пр., 5
тел. 8-926-977-00-02
b.shapiro@mail.ru

SHAPIRO Bella L. – *Sergiev Posad branch of the High School of Folk Arts (Institute)*.

Severnyj pr., 5, Sergiev Posad, Russia, 141300
b.shapiro@mail.ru